

Рыцарь театра

Театр для Юрия Александровича Завадского был делом, страстью всей его жизни. Каждый, кто посвящал себя в рыцари ордена, называемого сценой, был для прославленного мастера другом и единомышленником. В любви к театру не существует табеля о рангах. С одинаковым уважением Завадский относился к талантливому бутафору и актеру, исполняющему главную роль. Театр всегда живет во времени — успех сегодняшней премьеры предопределен вчерашними заботами и завтрашними надеждами. Именно об этом размышляет Завадский перед микрофоном на протяжении шести вечеров. Звуковая книга в чтении автора называется «Учителя и ученики» (режиссер Э. Верник). Завадскому не довелось завершить эту работу, не довелось рассказать о многих близких ему художниках. Но он рассказал о главном — о своем отношении к искусству.

Сегодня, когда слушаешь Завадского, трудно поверить, что это запись, а не живой голос собеседника, не естественное продолжение разговора о спектаклях, актерах, о совести и чистоте художника. Современная техника сохранила не только интонацию, тембр голоса Юрия Александровича, но и его размышления о высоком призвании человека, о требовательности к себе, об ответственности перед временем.

Размышления Завадского — признание в любви учителям. Станиславскому, Вахтангову. Любви активной, действенной, обеспеченной всей творческой судьбой Завадского, его спектаклями, мастерством его учеников, артистов разных поколений. В театре в работе с актерами он всегда следовал завету своего учителя К. Станиславского о «трудном, которое становится привычным, а привычное — легким». Это становится его жизненной и художественной программой. Передачи сценированы мыслями Завадского о тайнах мастерства, о самоотвержении в актерском и режиссерском деле.

Театр для Завадского — святая святых, некое единство социального, этического и эстетического. Я помню огорчение Юрия Александровича, когда он узнавал, что какой-то артист относится к своему делу небросовестно. Он никогда не мог понять людей, для которых театр становился всего лишь службой, а не жизнью, не мог простить легкий, мнимый успех, растрченный на мелочи и суету талант. Человек мягкий, добрый, снисходительный к людским слабостям, Завадский становился жестким и непреклонным, когда сталкивался с отступничеством в искусстве.

Зато как он умел радоваться каждому актерскому открытию, талантливому дебюту, успеху молодой режиссуры!

В передачах он рассказывает лишь о двух, самых любимых своих учениках — Вере Петровне Марецкой и Ростиславе Яновиче Пляте.

Смешная угловатая девочка становится прекрасной актрисой. Талант, трудолюбие и еще учитель, которому она верила безраздельно. Он всегда был рядом. И в радости, и в горе. Он был высшим судьей ее творений. Так говорит о своей работе с Завадским Вера Петровна Марецкая. Подвижничество — это старомодное слово определяет духовное единство этих художников. С какой удивительной нежностью и мягким юмором рассказывает Завадский о первых шагах актрисы на профессиональной сцене! А каким уважением, преклонением перед талантом исполнен разговор о работе Марецкой над ролью, когда трудные актерские будни завершались праздником труппы и зрителей!

Завадский знал, любил, глубоко уважал актера. Он считал, что смелые режиссерские новации имеют смысл лишь в том случае, если они обеспечены талантом актера, продиктованы временем. Юрий Александрович умел разбудить, распознать истинную возможность каждого артиста, с которым ему довелось встретиться на своем долгом сценическом пути. Так, рассказывая о творчестве Плята, он подчеркивает привязанность артиста к острому внешнему рисунку роли, склонность к некоторому преувеличению, умение остаться достоверным даже на грани гротеска. Эта характеристика актера иллюстрируется отрывками из ролей.

И вдруг неожиданное заключение: «Плят — чеховский актер». Завадский умышленно разрушает легенду, которую творит о себе артист. Эдакий балагур, остролов, элегантный собеседник. И при всем при этом — глубоко застенчивый, добрый, совестливый человек. Чеховский интеллигент. «С ним легко и светло жить, увлекательно и беспокойно трудиться». Личность Плята Завадский представляет нам в различных ипостасях его актерского и человеческого таланта.

Разговор в радиопередачах идет не только об учителях и учениках Завадского, но в равной мере и о нем, о человеке, который жил и творил по высокому счету совести, о рыцаре без страха и упрека, чьей прекрасной дамой была Мельпомена, вечная муза театра.

М. КВАСНЕЦКАЯ.